

**ПЕТР ГРИНЕВ КАК МЕМУАРИСТ
В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А.С. ПУШКИНА****

В ходе исследования художественных особенностей «Капитанской дочки» Пушкина были обнаружены ряд хронологических несоответствий, некоторая неадекватность психологического поведения персонажей, противоречия в изображении узурпатора Пугачева в романе и пушкинской «Истории Пугачева», частичное редактирование текста, которые отчасти сказываются на общем художественном впечатлении. Подобные особенности объясняются тем, что конципированным автором Пушкин сделал лжеца Гринева, всячески пытающегося скрыть в своих мемуарах пособничество Пугачеву.

Ключевые слова: исторический роман, ложь, литературный камуфляж, честь.

«Береги честь смолоду» — так звучит эпиграф, предпосланный роману Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка», в котором рассказчик Петр Гринев повествует о своей службе у Екатерины II во время Пугачевского восстания, всякий раз подчеркивая свою преданность царице и верность присяге¹.

Однако Петр Гринев лжет. Военный трибунал по праву предъявляет ему в конце повествования обвинения. В действительности молодой прапорщик Петр Гринев, принимая участие в Крестьянском бунте 1773–1774 гг., нарушил офицерскую клятву. Он был сподвижником предводителя восстания Пугачева и в качестве шпиона всячески ему содействовал.

«Его»², гриневская, «Капитанская дочка» — это произведение, призванное восстановить честь офицера. Пушкин наделяет Гринева качествами рассказчика, то и дело вводящего читателя в заблуждение, особенно в вопросах соучастия в деятельности Пугачева. Однако то, что рассказывает Гринев, не должно было, по замыслу Пушкина, представлять собой чистый вымысел без какой бы то ни было фактической подоплеки. Гринев — действительный участник событий 1773–1774 гг. Подобной установкой автора объясняется порой поразительная историческая аутентичность изображаемой картины и ее полное соответствие материалам пушкинской же «Истории Пугачевского бунта» («Истории Пугачева»). И все же многие обстоятельства действия являются вымышленными, что легко подтверждается путем сравнения с содержанием «Истории Пугачевского бунта». Таким образом, мы можем выделить две плоскости повествования: *рассказанная* (отчасти подлинная) история и *истинная* (но отчасти не воспроизведенная) история. Назовем их условно *рассказанная история* и *история пережитая*.

* © Эббингхаус А., 2011

Эббингхаус Андреас (a.ebbinghaus@uni-wuerzburg.de), кафедра славистики Института зарубежной филологии Университета Вюрцбурга, 970070, Германия, г. Вюрцбург, ул. Зандерринг, 2.

** Перевод статьи осуществлен Мариной Агрономовой.

Интересны в этом разрезе черновики предисловий к роману. Один из них должен был дать читателю намек на то, что роман Гринева является произведением оправдывающим. Гринев, согласно данному замыслу, должен был впоследствии написать письмо своему внуку³, в котором подробно рассказал бы о том, как в юности ему приходилось «впадать во многие заблуждения», и сожалел бы о том, что «на некоторые вопросы я никогда тебе не отвечал» [2, с. 927; 3, т. 6, с. 502].

Примечателен и второй вариант предисловия: «Отделить *истину от вымысла* было труд излишний. Кажется, всякой читатель легко заметит то, что носит на себе печать истины» [2, с. 928].

В предположительно более поздней версии издатель должен был написать следующее: «Читатель легко распознает *нить истинного происшествия*, проведенную сквозь вымыслы романические. А для нас это было бы излишним трудом» [2, с. 928].

«Нить истинного происшествия» и «вымыслы романические» – две составляющие непримиримого противоречия повествования: противостояния между фактическим предательством и описанным в произведении спасением чести, иными словами, между пережитой историей и наложенной на нее историей рассказанной. Пушкин, по всей видимости, желал обратить внимание читателя на это несоответствие, однако позже вовсе отказался от предисловия.

Как обман Гринева обнаруживает себя в тексте? Он проявляется, к примеру, в довольно частых «неровностях», сбоях и ошибках в повествовании Гринева, которые сам он едва ли замечает. Обратимся к тексту:

1. Вот Пугачев, ударив со всей силы в закрытую дверь, срывает с нее замок: «Пугачев толкнул дверь ногою: замок отскочил ...» (с. 68), однако в последующих строках рассказчик вновь упоминает ту же дверь, но она снова заперта: «Я побежал в светлицу. Двери были заперты» (с. 69).

2. Во второй главе мы встречаемся с вожатым, который якобы смог «почуять» близкое расположение поселения по доносившемуся оттуда запаху дыма:

«В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило недалече?» – «А потому, что *ветер оттоле потянул*, – отвечал дорожный, – и я слышу, *дымом пахнуло*; знать, деревня близко» (с. 15).

Однако изображаемый далее постоянный двор – темное помещение, освещенное одной лишь лучиной, в котором огонь был разожжен Савельичем только по приходе гостей, чтобы напоить тех чаем.

«Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; *лучина освещала ее*» (с. 15).

Гринев выдает себя: если огня нет, стало быть, нет и дыма, который вожатый смог бы «почуять». Кроме того, позже выясняется, что Савельичу пришлось «потребовать огня, чтоб готовить чай» (с. 16)⁴.

3. В одной из сцен (в главе IX) мы наблюдаем Гринева, скачущего на лошади по обрывистому берегу реки и настигаемого гонцом Пугачева, который, как упоминается ранее, отправился в дорогу гораздо раньше рассказчика.

4. Гринев так описывает обстановку в комендантском доме после взятия крепости: вокруг разрушенная мебель, домашняя утварь разграблена: «Я вошел в комендантский дом; *Все было пустое*; стулья, столы, сундуки были переломаны, *посуда перебита*; все растаскано...» (с. 46). Однако уже вечером Пугачев встречает Гринева за невредимым столом, покрытым к тому же свежей скатертью: «Необыкновенная картина мне представилась: за *столом, накрытым скатертью* и уставленным штофами и стаканами...» (с. 48).

Несоответствия подобного рода встречаются в тексте в достаточно большом количестве. История, в правдивости которой Гринев пытается нас убедить, полна недомолвок и «неровностей».

Неоднозначна и внутренняя хронология романа, как отмечается в работе⁵ одного из русских литературоведов: «Что-то странное происходит в «Капитанской дочке» с последовательностью пейзажа, с датировкой исторических событий, со временем вообще» [4, с. 168–176].

Время повествования размыто: один день изображается морозным, на другой снова стоит осенняя погода. Н. Кондратьева-Мейксон отмечает: «Буря и окружающие его зимние пейзажи – противоестественное вторжение зимы в осень» (с. 171). Читателю точно известно, что Гринев покидает свой родной дом в августе, и уже через пять дней его в пути застает страшный буря. Для сравнения обратимся к «Истории Пугачева», в которой засвидетельствовано: первый снег выпал в тот год только 16 октября⁶.

Так, по замыслу Пушкина, читатель с помощью «Истории Пугачева» мог самостоятельно отличить достоверные сведения от вымысла.

Не лишены противоречий и характеры некоторых персонажей, особенно Пугачева. Один из исследователей усматривает в положительных качествах предводителя восстания «нечто исключительно опереточное» и пишет о «допущенном противоречии с ожидаемой стройностью и четкостью психологического портрета» и о «неких элементах, в целом указывающих на художественное бессилие и легкомысленность дилетанта» [6, с. 196–202].

Однако кто же на самом деле является дилетантом: Пушкин или Гринев?

Пожалуй, все-таки Гринев. Еще знаменитая русская писательница Марина Цветаева в своих работах отмечала, что с Гриневым «не все чисто»: ее удивлял, в частности, тот факт, что герой, по сути, второй недоросль, еще летом лакомившийся пенками от варенья, уже через несколько недель становится зрелым молодым человеком, уверенно переводящим французскую литературу (хотя мосье Бопре едва ли смог научить юношу французскому языку) и к тому же сочиняющим собственные стихи [7].

Кроме того, Гринев стремится предстать в своих рассказах как настоящий герой в делах военных.

Поистине героическим изображается его выступление на знаменитом оренбургском военном собрании, которое в действительности состоялось вовсе не в тот день, когда Гринев прибыл в Оренбург и был приглашен генералом со следующими словами: «Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет» (с. 54). Военный совет в Оренбурге, одно из самых значительных событий того периода, изображено как вежливая беседа за чаем.

Гринев утверждает, что главным образом именно его мнение было интересно совету, и он первым согласно «законному порядку» охотно взял слово: «Итак, начнем собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная с младших по чину. Г. Прапорщик! <...> Извольте объяснить нам ваше мнение» (с. 55).

В действительности подобное положение вещей трудно вообразить, однако этот момент преподносится как исторический факт, согласно которому русский генералитет обращался к мнению прапорщиков. Итак, в этой сцене Гринев, безусловно, привирает, рисуя читателю абсурдную картину. Относительно этого мнимого рыцарства очень метко высказывается Швабрин, называя Гринева Дон-Кихотом Белогорским (данный отрывок, входивший изначально в главу XIII, был позже опущен).

Часто рассказ Гринева носит отрывочный характер. Мотивы совершения тех или иных действий нередко остаются не вполне ясными, а дальнейшее развертывание отдельных событий неопределенным («что происходило дальше, не помню»). Порой

Гринева прибегает к избитым шаблонным объяснениям, ссылаясь на волю судьбы либо стечение обстоятельств и случай. Просматривается нелогичность построения психологического портрета героев, прежде всего Пугачева, которому рассказчик приписывает внезапную перемену мнения, а именно резкий поворот от суровости к великодушию; себе же он приписывает невероятный успех своей продуманной лести и угодничества.

Гринева идет еще дальше, рисуя читателю абсолютно разные обстоятельства, сопровождавшие одно и то же событие. Так он, не зная, как оправдать свой отъезд в Оренбург, объясняет его сначала великодушным жестом со стороны Пугачева, отпустившего Гринева «на все четыре стороны»: «Так и быть, — сказал он, ударив меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. *Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь*» (с. 50).

Однако уже на следующий день это великодушие превращается в устах Гринева во вполне конкретное поручение: «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовью и послушанием. Не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» (с. 51)

Впоследствии он назовет уже третью причину — желание помочь Марье: «Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился [!] тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и, по возможности, тому содействовать» (с. 53).

Так какой же из мотивов является единственно достоверным? Неизвестно. Проблема истинности мотивов остается в романе открытой, что вызывает затруднения в пересказе истории.

Подобная несогласованность присуща, пожалуй, и идейной направленности произведения в целом: на первый взгляд «Капитанская дочка» — это история спасения чести, однако умело использованная Пушкиным нескладность речей Гринева указывает скорее на вероятность предательства: молодой прапорщик действительно нарушил присягу, содействуя в качестве шпиона Пугачеву, а теперь он в стремлении умолчать о грехах юности всячески приукрашивает истинное положение вещей (что дается ему с трудом). Гринева «переписывает» историю своего предательства, превращая ее в историю несокрушимой в любых обстоятельствах чести; понятие чести становится лейтмотивом всего произведения.

Многочисленные черновики романа [2, с. 928–930] позволяют судить о первоначальном замысле Пушкина написать историю предательства, тогда как окончательный вариант произведения внешне, казалось бы, полностью противоречит этому замыслу⁷. Но, как известно, внешность обманчива. На первый взгляд, автор отказывается от истории предательства, превращая ее в рассказ о непоколебимой преданности молодого офицера царице, но это не так: Пушкин просто выбирает повествование от первого лица, вкладывая рассказ в уста Гринева, который выстраивает события и обстоятельства по-своему: например, ту сцену, где в рукописях Пушкина мы читаем: «Гринева скачет в лагерь Пугачева», сам герой преподносит иным образом: он утверждает, что это некое провидение забросило его туда.

Сподвижничество Гринева и Пугачева начинается уже во второй главе. В действительности Пугачев, как о том свидетельствует «История Пугачева», находился летом 1773 года в бегах, после того как вырвался из заключения в Казани⁸. Гринева впервые встречает Пугачева по пути из Оренбурга в Белогорскую крепость, датированном в романе началом сентября (ср. с [4]).

Немаловажную роль в построении сюжета предательства играет такая деталь, как заячий тулуп, который Гринева утром дарит вожатому на прощание (с. 17). Читатель

на первый взгляд воспринимает этот поступок Гринева как милосердный жест по отношению к нуждающемуся, мерзнушему вожатому. Савельич заставляет нас посмотреть на этот момент с другой стороны: не случайно он старается всячески препятствовать тому, чтобы хозяин вручил тулуп «пьянице оголелому» (с. 17). Это выражение Савельича («оголелому» значит не только «опустившемуся», «разорившемуся», но и в буквальном смысле «голому», «обнаженному») обращает наше внимание на одно важное обстоятельство. Гринев рассказывает, что на вожатом «был оборванный армяк» (с. 16), который позволял видеть практически обнаженную грудь Пугачева. Пушкин возвращается к этому нюансу только в главе VIII, где мы, наконец, понимаем, что Гринев, преподнося подарок вожатому, осознавал, что перед ним не кто иной, как предводитель восстания.

Итак, обратимся непосредственно к тексту. Гринева приглашают на пирушку с другими мятежниками. Из слов казака, передавшего ему приглашение, мы узнаем, что Пугачев в это самое время отправляется в баню. Облик предводителя приводит его в восхищение: «... после обеда батюшка наш отправился в баню <...> А в бане, слышно, показывал *царские свои знаки на грудях*: на одной *двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его*» (с. 48).

Внимание читателя приковывают, прежде всего, «царские знаки», украшающие грудь Пугачева: атрибуты, очевидно, заставлявшие современников трепетать (двуглавый орел являлся всем известным символом царского дома). Этот эпизод, удаленный от описания встречи Гринева с вожатым, содержит в себе гораздо более важную, осознанно «замаскированную» автором информацию: заячий тулуп был преподнесен вожатому вовсе не как одежда, защищающая от холода (к тому же, как мы могли убедиться, действие происходит не в зимнее время), а как вещь, которая позволила бы скрыть «царские знаки», выглядывавшие из-под лохмотьев вожатого. Чтобы хорошенько спрятать знаки на груди, Пугачев «надел его, распоров его по швам» (с. 17).

В порой замысловатых диалогах мятежника Пугачева и его сподвижника Гринева читатель наталкивается на намеки относительно «маскировочной» роли тулупа. После взятия Белогорской крепости офицерам, состоявшим на службе у царицы, пришлось либо погибнуть на месте, либо принять сторону повстанцев, однако Гринев помилован. Вот как объясняет свое решение Пугачев: «... но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты *оказал мне услугу, когда принужден был скрываться от своих недругов*» (с. 49).

Итак, в свое время Гринев помог Пугачеву остаться незамеченным. В выражениях Пугачева («когда принужден был скрываться от своих недругов», «оказал услугу») заключается гораздо больше, чем просто благодарность за милосердно дарованный тулуп, спасший вожатого от холода. Формулировка Пугачева вносит поправку в неоднозначную цепочку «услуга–благодарность». По словам Гринева, это вожатый оказал прапорщику услугу, согласившись показать тому дорогу, за что и получил в благодарность сначала монету, а затем и заячий тулуп (вопреки попыткам Савельича помешать этому⁹). Таким образом, Гринев старается умолчать о своей, «особой» услуге, оказанной вожатому, и только слова Пугачева в главе VIII ставят все на свое место: тулуп был способом «маскировки» мятежника.

Знаки на груди Пугачева не художественный вымысел. Упоминания о «царских знаках» можно встретить в народном фольклоре, а также в «Истории Пугачева», где происхождение «знаков» объясняется болезнью «черная немочь» [2, с. 147]. Историк Левшин предполагал, что Пугачев обнажал пятна на своей груди перед «сомневающимися», выдавая следы от болезни за «царские знаки». В действительности же пятна эти служили свидетельством перенесенных ран, которыми Пугачев поистине

гордился [2, с. 221]. Пушкин не объясняет своего отказа от предположения Левшина, по всей видимости, он желает выяснить подлинные обстоятельства, ставшие основой для народного предания, трактуемого Левшиным как достоверное. Стоит, однако, упомянуть, что легенда эта появилась уже в конце восемнадцатого века. На ее источники указывает исследователь К.В. Чистов [8, с. 149]. Для Б. Успенского отличительные знаки на поверхности тела, делающие их обладателей якобы отмеченными самим Господом, являются характерным признаком русских самозванцев вообще [9, с. 236–249].

С мотивом «знаков» тесно связан образ монеты, использованный автором в «Капитанской дочке». Упомянутая впервые в главе II *полтина* (монета достоинством в полрубля) появляется вновь, когда Гринев возвращается из Белогорской крепости в Оренбург и встречает урядника, который передает подарки от Пугачева: здесь овчинный тулуп, башкирская лошадь и *полтина*. Монета в контексте отношений Гринева и Пугачева не имеет материального значения, это вовсе не вознаграждение (пусть даже и символическое). Гораздо важнее нумизматические характеристики этой самой полтины. Русские монеты, в частности в восемнадцатом веке, имели на одной стороне изображение царя, на другой – двуглавого орла, гербовой птицы, – символ, унаследованный от Габсбургов (а не из Византии), который начал использоваться на Руси при Иване III [10]. Таким образом, монеты являются для обоих персонажей носителями образов, которые они связывают с их первой встречей: изображения на обеих сторонах монеты напоминают соответствующие знаки на груди Пугачева, которые, безусловно, были узнаны Гриневым. Благодаря своим иконографическим свойствам полтина становится для героев своеобразным средством общения, однако для читателя эта функция монеты остается нераскрытой. И все же Пушкин делает намек на некую связь между «знаками» на груди Пугачева и изображениями на монете, вкладывая в уста казака следующие слова: «А в бане, слышно, показывал *царские* свои *знаки* на грудях: на одной двуглавый орел, *величиною с пятак*, а на другой персона его» (с. 48).

Подводя итог, мы можем сказать, что «Капитанская дочка» не является адаптированным вариантом исторического романа, как ее когда-то охарактеризовал Вальтер Скотт. Повальная любовь русских читателей к произведениям Скотта была к 1836 году уже далеко позади, а сочинения последних его подражателей зачастую становились предметом насмешек [11, с. 166]. Едва ли Пушкин стал бы создавать роман подобного рода.

Распространявшееся уже с 1830 года суждение о том, что некогда великий талант Пушкина переживает свой закат, очевидно, находит свое подтверждение, ведь на «Капитанскую дочку» современниками не было составлено ни одной рецензии¹⁰.

Какие цели преследовал Пушкин, создавая подобное произведение, окутанное «литературным камуфляжем» и вводящее читателя в заблуждение? Ответ на этот вопрос требует дальнейших размышлений.

Примечания

¹ Цитаты приводятся по изданию [1].

² В первоначальном издании в «Современнике» (1836) редакторские замечания издателя журнала становятся элементом «литературного камуфляжа»: читателю внушается авторство реально существующего мемуариста. Лишь в издании 1837 г. читателям становится известно об авторстве Пушкина.

³ Письмо рассказчика внуку датировано 5 августа 1833 года.

⁴ Вариант «хозяин ввел меня в горницу, где горела лучина, и где на столе стоял горшок со щами» [2, с. 864]. Пушкин сознательно отверг: *горшок со щами* позволил бы предположить, что огонь в доме все-таки разжигался.

⁵ Ученый делает верные наблюдения, однако допускает ошибки в выводах, так как не учитывает, что автором мемуаров является именно Гринев, а не Пушкин.

⁶ «С 14 октября начались уже морозы; 16-го выпал снег» [2, с. 130]. Пушкин сознательно «вводит» ошибку в описание погодных условий: как отмечает А. Поляков [5, с. 287), Пушкин использовал анонимно опубликованную заметку С.Т. Аксакова в Альманахе «Денница» за 1834 год и изменил формулировку *мелкий снежный прах* на *Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями* (с. 14). Однако в данной местности в связи с пониженной влажностью воздуха выпадает исключительно рыхлый снег «порошкообразного» состава, но ни в коем случае не снежные «хлопья». Итак, обман Гринева становится очевиден: в день его встречи с Пугачевым бурана не было.

⁷ Например, Швабрин делается сообщником Пугачева или Валуев взят во стан Пугачева. От него отпущен в Оренбург.

⁸ Побег из тюрьмы датируется 19 июня 1773 г. [2, с. 117].

⁹ Савельич недоумевает: «За что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору?» (с. 17).

¹⁰ «... все известные нам отклики на роман...» [1, с. 236]. «Капитанская дочка» упоминается в отдельных переписках и гораздо более поздних литературно-критических статьях.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М., 1984.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л, 1937–1949; 1940. Т. 8. Ч. 2.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979.
4. Кондратьева-Мейксон Н. По какому календарю?... (Время и пейзаж в «Капитанской дочке») // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 168–176.
5. Поляков А. Картина бурана у Пушкина и С.Т. Аксакова // Пушкин в мировой литературе: сб. ст. Л., 1926. С. 287–288.
6. Gerigk H.-J. Entwurf einer Theorie des literarischen Gebildes. Berlin; New York, 1975.
7. Цветаева М. Пушкин и Пугачев // Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967.
8. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.
9. Успенский Б. Царь и самозванец: самозванство в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236–249.
10. Russische Numismatik. Braunschweig, 1968.
11. Долинин А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.

**PETER GRINEV AS MEMOIRIST
IN «CAPTAIN'S DAUGHTER» BY A.S. PUSHKIN**

In the course of research of artistic peculiarities of «Captains's Daughter» by A.S. Pushkin a number of chronological discrepancies has been noted; some inadequacy of the psychological behavior of characters, contradictions in depicting the usurper Pugachev in the novel and in Pushkin's «History of Pugachev», partial editing of the text which negatively influences the general artistic effect. The described peculiarities of can be explained by the fact that Pushkin made the author liar Grinev, who in every possible way tried to conceal in his memoirs his complicity with Pugachev.

Key words: historical novel, lie, literary camouflage, honor.

* *Ebbinghaus Andreas* (a.ebbinghaus@uni-wuersburg.de), Institute of Foreign Philology, Slavonic Studies, University of Würzburg, Wursburg, 970070, Germany.